

Юлия Беринг

Друшка
**ЖЕСТОКОГО
НАСЛЕДНИКА.**

**ТЫ ОБЕЩАЛ СПАСТИ МАМУ,
ПОКА ТВОЙ ПРЕПАРАТ ЕЁ УБИВАЛ!**

Юлия Беринг

**Игрушка жестокого наследника.
Ты обещал спасти маму, пока
твой препарат её убивал!**

«Автор»

2026

Беринг Ю.

Игрушка жестокого наследника. Ты обещал спасти маму, пока твой препарат её убивал! / Ю. Беринг — «Автор», 2026

Я поступила в элитную медицинскую академию, чтобы найти лекарство для тяжело больной мамы. Но Артур Волконский, жестокий наследник фармацевтической империи, публично уничтожил мой проект.—
Хочешь деньги на лечение матери, Вика? Тогда станешь моей послушной ассистенткой! Я подписала контракт. Он лишил меня свободы, контролировал каждый шаг и заставлял работать до изнеможения. А потом я нашла секретные медицинские документы. Мама стала подопытной в незаконных испытаниях семьи Волконских! Препарат, который должен был её спасти, разрушал её организм. Артур знал правду. И молчал! Теперь у меня есть доказательства, способные уничтожить его империю. Он хотел сделать меня своей игрушкой. Но я заставлю наследника ответить за каждую мамину слезу!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Юлия Беринг

Игрушка жестокого наследника. Ты обещал спасти маму, пока твой препарат её убивал!

Глава 1

Воздух в актовом зале пах пылью, старым паркетом и чужим страхом. Я стояла у трибуны, сжимая маркер так, что побелели костяшки пальцев. На экране за моей спиной светился график — результат трех месяцев бессонных ночей, сотен часов в лаборатории и надежды на то, что моя мать сможет купить себе жизнь вместо очереди в платную клинику.

«Синтез анальгетика из растительных алкалоидов». Звучит как заклинание, способное отменить боль. По крайней мере, я верила в это каждой клеткой тела.

Я начала говорить ровно, уверенно, как учили: четко артикулируя, не делая пауз там, где можно было бы выдохнуть. Комиссия смотрела поверх очков, скучающе перебирая бумаги. Кроме одного человека.

Артур Волконский сидел в первом ряду. Не как студент, а как наблюдатель от деканата. Его пальцы были длинными, бледными, лежали на подлокотнике кресла так небрежно, будто он ждал скудного обеда, а не защиты проекта первокурсницы из глубинки. Он не слушал теорию. Он смотрел на мой график побочного эффекта.

На середине слайда, когда я подошла к ключевой точке о стабильности молекулы, его голос разрезал тишину зала. Громко. Резко. Без предупреждения.

— Вы уверены, что эти данные получены при температуре выше двадцати градусов?

Зал замер. Я почувствовала, как внутри всё холодеет, превращаясь в ледяную глыбу. Но лицо оставило профессиональную маску.

— Да, Артур Дмитриевич. Эксперимент проводился в стандартных условиях...

— Стандартные условия для лабораторных крыс или для вашего «домашнего» оборудования? — он поднял бровь, и в этом жесте было столько высокомерия, что меня замутило. — Посмотрите на третью точку графика. Там разрыв доверительного интервала больше, чем сама погрешность метода.

Это был удар ниже пояса. Я знала этот график. Я пересчитывала его сто раз. Ошибка была мелкой, технической, но на фоне остального исследования она выглядела как трещина в фундаменте.

— Это статистическая флуктуация, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — В источниках указано...

— Источники? — Артур усмехнулся, и эта усмешка была страшнее крика. — Вы цитируете статьи десятилетней давности, Морозова? Ваша работа опасна именно потому, что вы опираетесь на устаревшие протоколы очистки.

Шепот начался сразу после его слов. Члены комиссии переглядывались, кто-то хмыкнул, глядя на Артура с одобрением. А потом голос подала Дарья Лисицына. Она сидела рядом с ним, дочь ректора, королева курса, в безупречном белом халате, который стоил больше, чем вся моя стипендия за год.

— Мне кажется, Артур прав, — протянула она сладко, как мед, смешанный со стеклом. — У нас тут академия элитного уровня, а не бабушкина кухня с настойками. Может, стоит вернуться к классической органике, Вика? Если уж ты не тянешь химию нового поколения.

Её слова были ядовиты. Социальное давление нарастало, как вода перед потопом. Я игнорировала её, обращаясь напрямую к председателю комиссии, седому профессору, который уже начинал нервно теребить свою бороду.

— Прошу прощения, но методология синтеза подтверждена...

Но договорить мне не дали. Артур встал. Медленно, грациозно, как хищник, почуявший кровь. Он прошел через ряды стульев, не глядя на меня, и остановился прямо у трибуны. Забрал у меня маркер.

Он даже не спросил разрешения. Просто выдернул его из моих пальцев.

На доске за моей спиной появилась схема разложения молекул. Его рука двигалась быстро, уверенно, рисуя линии, которые обнажали мою ошибку во всей красе. Это не была критика. Это была казнь. Публичное исправление работы, которая должна была стать моим билетом в будущее.

Я молча смотрела на его руку. От него пахло дорогим мылом, антисептиком и холодным металлом. Запахом, который ассоциировался у меня с операционными и смертью. Я чувствовала себя обнаженной перед толпой студентов, сидящих на балконе. Каждый взгляд бил по коже, как иголка.

Председатель комиссии откашлялся. Его глаза метались между схемой на доске и моим лицом.

— Вика, вы понимаете, что ваша работа потенциально токсична? Что вы рискуете жизнями пациентов ради амбиций?

— Концепция мягкого воздействия предполагает постепенное снижение дозы... — начала я, пытаюсь вернуть дискуссии научный тон.

— Это не мягко, — оборвал Артур, не поворачиваясь ко мне. Он продолжал рисовать формулу, стирая мои аргументы одной чертой. — Это грязно. И непрофессионально. Вы не медик, Морозова. Вы самоучка, которая думает, что знание учебника делает её хирургом.

Тишина стала оглушающей. Где-то на заднем ряду кто-то тихо захихикал. Этот звук сломал мне спину. Внутри взорвалась лава стыда и ярости.

— Вы сноб! — выкрикнула я, сорвавшись на крик, которого от себя не ожидала. — Вы просто хотите показать всем, что дети богатых родителей умнее тех, кто учится на бюджете! Это предвзятость!

Голос дрогнул, сорвался на визг. Я увидела, как лица членов комиссии окаменели. Дарья улыбнулась, демонстрируя идеально белые зубы. Артур наконец повернулся ко мне. В его глазах не было злости. Только пустота. Холодный расчет.

— Уберите её, — сказал он председателю. — Защита окончена. Оценка неудовлетворительно.

Меня вывели из зала под аплодисменты, которые звучали как насмешка. Я бежала по коридору, сбивая каблуки, пока не упёрлась лбом в холодную плитку туалета. Вода из крана текла ручьем, размывая тушь, стекая по щекам, как дешевый театральный реквизит. Я плакала. Громко, некрасиво, всхлипывая, как маленькая девочка.

Дверь открылась без стука.

Я не обернулась. Знала, кто это. Кто еще может ходить здесь так тихо, словно красться?

— Красивое представление, — произнес Артур. Его голос был ровным, лишенным эмоций. — Хотя слезы портят макияж. Тебе нужно выглядеть свежо для собеседования в клинике, где тебя точно не возьмут.

Я резко развернулась, швыряя мокрое полотенце в раковину.

— Зачем ты пришел? Издеваться? Чтобы лично убедиться, что ты уничтожил меня?

Артур прислонился к стене, скрестив руки на груди. Белая рубашка обтягивала плечи, подчеркивая мышечный рельеф. Он выглядел уставшим, но не расстроенным.

— Твой проект был слабым, Вика. Но идея синтеза была... интересной. Ты ошиблась в расчетах, потому что спешила. Потому что боялась.

— Мне плевать на твои комплименты, — отрезала я. — Уходи.

— Уйти? — он усмехнулся. — И оставить тебя на улице? С матерью, которой нужны деньги на операцию?

Я замерла. Сердце пропустило удар.

— Откуда ты знаешь о матери?

— Я знаю всё, что касается людей, которые мне нужны. — Артур достал телефон. Быстро набрал сообщение, затем развернул экран ко мне.

Это было письмо от администрации общежития. Дата сегодняшняя. Время: час назад.

«Комната №402 зарезервирована за студенткой Лисицыной Д.А.»

— Подруга Дарьи освободила место? — прошептала я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — Это же моя комната!

— Студенты-второкурсники имеют приоритет при выселении неуспевающих первокурсников, — спокойно объяснил он. — А у тебя теперь есть "неуспевающий" проект. Ты теряешь место. И стипендию. У тебя два часа, чтобы собрать вещи и съехать. Или один час, чтобы подписать контракт.

Контракт? Какой контракт?

Артур положил на подоконник сложенный листок бумаги и ручку.

— Я запускаю закрытый эксперимент по синтезу лекарств нового поколения. Проект не одобрен ректоратом официально, поэтому он идет под эгидой моего личного гранта. Мне нужен ассистент. Человек, который будет работать ночью, без выходных, за минимальную плату, но с гарантией сохранения жилья и дополнительного финансирования на лечение твоей матери.

— Шантаж, — выдохнула я.

— Рынок труда, Морозова. Выбирай. Гордость или крыша над головой.

Я ненавидела его. Ненавидела этот холодный взгляд, эту уверенность в своей власти, этот запах антисептика, который въелся в память. Но мысль о том, что мать останется одна, что ей не хватит денег на следующий курс терапии, перевешивала всё. Перевешивала мою гордость, мои принципы, мой страх.

Руки дрожали. Я схватила ручку. Бумага была плотной, дорогой. Текст мелкий, юридически грамотный. Пункт об ответственности за сохранение тайны эксперимента звучал как приговор.

— Подписывай, — скомандовал Артур.

Я поставила свою подпись. Ручка скользила плохо, чернила пачкали палец. Когда я закончила, Артур забрал листок. Наши пальцы коснулись друг друга. Его кожа была ледяной. Моя — горячей от лихорадки унижения.

Он свернул бумагу и сунул во внутренний карман пиджака.

— Завтра в семь утра. Лаборатория "Бета", минус второй этаж. Не опаздывай.

Он развернулся, чтобы уйти, но вдруг остановился. Обернулся. Взгляд стал другим. Менее презрительным, более... внимательным.

— Ты не ошиблась в синтезе, Морозова. Ты ошиблась в дозировке. Но твое чутье... оно редкое. Большинство студентов видят только цифры. Ты видишь процесс. Не потеряй это.

И он вышел, оставив дверь приоткрытой. Сквозняк качнул приоткрытую дверь, и полоса света на стене дрогнула.

Я осталась одна в пустом туалете. Прижала ладони к груди, пытаюсь успокоить сердце, которое колотилось так, будто хотело вырваться наружу. Я ненавидела его за то, что он прав. Ненавидела себя за то, что согласилась.

Посмотрела на свой указательный палец. На кончике осталась маленькая чернильная точка. Темная, четкая, почти черная. Как капля крови. Или как начало чего-то, от чего нельзя будет убежать.

Глава 2

Бал первокурсников в академии «Асклепий» пах дорогим парфюмом, старым золотом и моим собственным страхом.

Я стояла у входа в балльный зал, сжимая в руках бокал с игристым вином так сильно, что костяшки пальцев побелели. Платье — единственное, что мне удалось одолжить у соседки по общежитию — сидело идеально, скрывая шрамы от ночных дежурств и дешевизну ткани, которую я пыталась замаскировать кружевом. Но внутри меня всё дрожало. Не от холода. От ощущения чужеродности. Я была пятном на этом глянцево-холсте, где все остальные казались вырезанными из одного куска мрамора: безупречными, богатыми, уверенными в завтрашнем дне.

Проход был забит. Студенты-медики, будущие элиты здравоохранения, образовали плотную стену тел. Они не смотрели на меня прямо — это было бы слишком грубо для их воспитания. Они шептались. Голоса сливались в белый шум, но отдельные фразы резали слух, как скальпель:

— ...слышала про её проект? Кухонная химия...

— ...Волконский сказал, это стыд...

— ...стипендиатка, думает, что умнее всех...

Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как воздух царапает горло. «Нет.» Я не буду прятаться. Я приехала сюда не для того, чтобы исчезнуть в тени чужих презрительных взглядов. Моей матери нужен препарат. Мне нужна крыша над головой. А им всем нужно привыкнуть к тому, что я здесь останусь.

Я шагнула вперед, плечом раздвигая толпу. Кто-то хмыкнул, кто-то отшатнулся, освобождая узкую тропинку. Я шла, подняв подбородок, игнорируя сплетни, как мух. В голове билась одна мысль: «не дай им увидеть, что тебе больно.»

И тогда я увидела его.

Артур Волконский стоял у колонны в дальнем углу зала. Высокий, в черном костюме, который сидел на нем как вторая кожа. Он не танцевал, не общался, не пил шампанское. Он смотрел в экран телефона. Его пальцы лениво скользили по стеклу, фиксируя что-то. Камера заднего объектива была направлена прямо на меня. Артур даже не поднял глаз, когда я прошла мимо, но я чувствовала его взгляд спиной, холодный и изучающий, словно я была не девушкой, а образцом биоматериала под электронным микроскопом. Он уже начал запись. Он записывал мою униженность. Мою попытку выглядеть достойно. Это был не бал. Это был эксперимент.

— Виктория Морозова.

Голос был сладким, как перезревший персик, от которого уже исходит запах гнили. Я обернулась. Дарья Лисицына, дочь ректора, королева курса, стояла передо мной с бокалом в руке. Её платье цвета крови выгодно подчеркивало бледность кожи и темные глаза, в которых никогда не было тепла, только расчет.

— Дарья, — я ответила ровно, стараясь не смотреть на её идеальную прическу.

— Как там твоя мать, бедняжка? — она наклонила голову, изображая заботу, которая выглядела как карикатура на милосердие. — Слышала, ей стало хуже после того, как ты начала возиться со своими... экспериментами? Бедные люди всегда берутся не за свое дело.

Толпа вокруг нас незаметно расширила круг. Шепотки стихли, превращаясь в напряженное ожидание. Они ждали, когда я заплачу. Когда я сбегу. Когда я подтвержу своё место на самом низу пищевой цепи.

Я почувствовала, как внутри поднимается волна тошноты, но не от страха, а от ярости. Холодной, кристаллической ярости. Она использовала мою боль как оружие против меня самой. Она знала о диагнозе матери. Знала, что я пытаюсь найти альтернативу дорогим препа-

ратам семьи Волконских, потому что стандартная терапия давала побочные эффекты, которые медленно убивали её печень.

Дарья ждала слез. Я дала ей науку.

— Моя мать чувствует себя значительно лучше благодаря новому протоколу коррекции метаболизма, — сказала я тихо, но четко, глядя ей прямо в зрачки. — Хотя, возможно, вам не стоит углубляться в нюансы фармакокинетики. Вы же предпочитаете простые решения, правда? Те, что можно купить за деньги и репутацию отца.

На секунду улыбка Дарьи дрогнула. В её глазах мелькнуло удивление, смешанное с досадой. Она ожидала жертвы, а получила оппонента, говорящего на её языке. Это выбило почву из-под ног.

— Дерзко, — протянула она, делая шаг ко мне. — Но дерзость часто идет рука об руку с неуклюжестью.

Она хотела пройти мимо, демонстрируя своё превосходство, но вдруг её каблук предательски заскользил по полированному полу. Или это было сделано специально? Трудно сказать. Важен лишь результат. Бокал в её руке качнулся, и ледяное шампанское, искрящееся и прозрачное, вылилось прямо на мое белое платье.

Жидкость ударила в ткань, растекаясь темным, липким пятном по груди и животу. Холод обжег кожу сквозь тонкую ткань. Воздух вокруг замер. Секунды тянулись бесконечно. Я чувствовала, как капли стекают по ключицам, как мокрая ткань прилипает к телу, выдавая каждый контур. Пятно позора. Яркое, очевидное, неотвратимое.

Я могла закричать. Я могла схватить салфетку и начать тереть ткань, показывая свою растерянность. Я могла убежать в туалет, захлебываясь слезами. Это было бы нормально. Это было бы ожидаемо.

Но я не двинулась.

Я поставила свой бокал на ближайший столик. Руки повисли вдоль тела. Я посмотрела вниз, на мокрое пятно, потом перевела взгляд на Дарью. Она уже начала менять выражение лица, готовясь сыграть роль расстроенной жертвы неловкости.

Медленно, почти демонстративно, я достала из сумочки бумажную салфетку. Я не стала вытирать пятно до конца. Я аккуратно промокнула край ткани, поднимая глаза на Дарью. В моём взгляде не было ни слез, ни мольбы. Только абсолютное, ледяное презрение. Презрение к её мелочности. К её попытке уничтожить меня грязью, пока сама оставалась в чистоте.

— Ты забыла базовый протокол, — раздался голос слева. Низкий, бархатный, с нотками скуки.

Артур вышел из тени колонны. Он не подошел ближе, остановившись в метре от меня. Его серые глаза скользнули по моему мокрому платью, затем по лицу Дарьи, и наконец вернулись ко мне.

— Пятно от шампанского выводится солью и холодной водой, если действовать немедленно, — произнес он сухо, словно читал лекцию. — Ты потеряла время на эмоции. Эмоции бесполезны в критических ситуациях.

Его слова были жесткими, как удар. Но в них не было осуждения. В них было наблюдение. Он анализировал мою реакцию. Он видел, как я держу себя в руках, несмотря на физический дискомфорт и социальный крах. И ему это нравилось.

— Ты снимаешь это? — я кивнула на его телефон, который он всё ещё держал в руке. Голос дрогнул, но я заставила себя говорить твердо. — Для своей коллекции неудачников?

Уголок его рта чуть приподнялся. Почти улыбка.

— Для анализа реакции на стресс. Ты интереснее, чем я думал, Вика. Большинство ломается раньше.

В этот момент к нам приблизился декан факультета, господин Орлов. Его лицо было каменным.

— Что здесь происходит? — спросил он, обводя взглядом меня и Дарью, которая уже начала всхлипывать, прикрывая рот платком. — Дарья говорит, что вы толкнули её, студентка Морозова. Нарушение этикета на официальном мероприятии академии.

Дарья подняла заплаканные глаза. Идеальная игра. Жертва, атакованная злодейкой.

— Она... она просто толкнула меня, — всхлипнула она. — Я споткнулась, а она...

Декан повернулся ко мне.

— У вас есть объяснение? Или вы хотите покинуть зал и потерять право посещать мероприятия академии?

Сердце колотилось в горле. Это был конец. Меня могли отчислить. Лишить стипендии. Оставить без жилья. Без денег на лечение матери. Я открыла рот, чтобы оправдаться, указать на провокацию, но слова застряли в горле. Как доказать намеренность действия, если свидетели видят только финальную картинку: мокрую жертву и спокойного агрессора?

Артур сделал шаг вперед. Не ко мне. К декану.

Он молча поднял телефон, развернув экран так, чтобы видео было видно всем троим: декану, мне и Дарье.

На записи отчетливо было видно, как Дарья делает движение ногой «до» того, как теряет равновесие. Искусственный подкат. Намеренная ловушка. А затем — мой взгляд. Спокойный. Холодный. И то, как Артур комментирует ситуацию, не вмешиваясь, но фиксируя факт.

— Ваша светлость, — голос Артура был тихим, но режущим тишину зала. — Возможно, вам стоит посмотреть на исходник, прежде чем делать выводы о характере студентов. Если я правильно помню правила академии, ложные обвинения караются не менее строго, чем нарушение этикета.

Декан уставился в экран. Его лицо потемнело. Дарья замерла, её всхлипы оборвались. Она поняла, что проиграла раунд.

Артур не спас меня из доброты. Он защитил свой актив. Ценный материал для исследования. Он не дал системе уничтожить то, что могло принести пользу ему лично.

Дарья резко развернулась и бросилась прочь из зала, уводя за собой группу своих подруг. Но перед тем как уйти, она задержалась возле меня. Её глаза были сухими, но в них горел настоящий огонь ненависти. Она наклонилась к моему уху, понизив голос так, что слышала только я:

— Это только начало, Морозова. Твой отец тоже был таким же наивным. Он думал, что честность может победить систему. Посмотри, где он теперь.

Слово «отец» ударило меня в солнечное сплетение сильнее, чем ледяное шампанское. Мой отец умер три года назад. Официально — от сердечной недостаточности. Неофициально — после скандала в лаборатории Волконских, который они замяли. Дарья знала это. Она знала больше, чем я думала.

Зерно сомнения проросло в моей душе мгновенно. Это не совпадение. Их враждебность к мне имеет корни в прошлом. В крови.

Я осталась стоять посреди зала, чувствуя, как мокрая ткань начинает высыхать, оставляя на коже неприятную стянутость. Люди расходились, избегая моего взгляда. Артур стоял рядом, не двигаясь.

Глава 3

— Идем, — сказал он. Не предлагая помощь. Командуя.

Мы прошли через служебный коридор в гардеробную зону. Там было темно и пусто, пахло нафталином и пылью старых пальто. Я прислонилась к стене, позволяя себе дрожать. Руки тряслись. Колени подгибались. Я была близка к истерике, но сдерживалась, кусая губы до крови.

Дверь гардероба закрылась. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

Артур не включил свет. Он стоял напротив меня, в полумраке, и его силуэт казался еще более массивным и опасным.

— Ты была хороша в гневе, — произнес он в темноте. Его голос был ближе, чем я ожидала. — Не теряй этот ресурс. Стыд делает тебя медленной. Злость делает тебя точной.

Из его сумки, которую он всегда носил с собой («для экстренных случаев в лаборатории», как он говорил), он достал сложенную рубашку. Белую, хлопковую, гладкую. Он протянул её мне.

Я взяла её, чувствуя ткань между пальцами. Поднесла к лицу, чтобы вдохнуть аромат. Вместо дорогого парфюма или свежести кондиционера меня ударил запах антисептика, табака и чего-то металлического, как кровь. Запах Артура. Запах опасности. И одновременно — единственный источник тепла в этом холодном мире.

Его защита не была рыцарством. Это было собственничество. Он не спасал меня от мира. Он забирал меня себе, чтобы мир не смог меня сломать раньше, чем он решит, что я готова.

— Надень, — приказал он. — И забудь про Дарью. Она слаба. Ты — нет.

Я начала расстегивать мокрое платье, чувствуя, как его взгляд сверлит мою спину. Я не решалась обернуться.

Артур щелкнул кнопкой на своем телефоне. Красный индикатор записи мигнул.

— Давай обсудим условия сделки заново, Вика, — сказал он, и в его голосе появилась новая, хищная нотка. — Теперь ты знаешь, что я могу видеть всё. И всё записать.

Пыль в библиотеке пахла старой бумагой и равнодушием. Я стояла у стойки, сжимая в руках резюме на полставки — «помощь в архиве», «каталогизация». Для элитной академии «Асклепий» это была работа для прислуги, но мне было плевать. Мне нужны были деньги. Живые, наличные, прямо сейчас.

— Нет, Морозова, — голос заведующей, тетки с глазами цвета выцветшего денима, был сухим, как пергамент. Она даже не подняла головы от монитора.

— Почему? У меня идеальный почерк, я знаю систему Дьюи наизусть...

— Потому что после бала первокурсников ваша репутация стала... токсичной, — она наконец посмотрела на меня. В её взгляде не было злости, только скучное презрение администратора. — Студенты, привлекающие внимание к себе скандалами, нарушают тишину читального зала. А тишина здесь — закон. Идите, пока я не внесла вас в черный список всех подработок кампуса.

Я вышла, чувствуя, как ладони становятся липкими от холодного пота. Легальные пути захлопнулись с громким щелчком.

Телефон завибрировал в кармане куртки, когда я уже спускалась по лестнице. Мать.

— Вика, они пришли, — её голос дрожал, ломаясь на каждом слого. — Охранники. Говорят, замки меняют. Сказали, если до шести вечера не будет перевода за полгода вперед... нас выселят. Прямо на улицу, дочка. Там минус пять.

— Мама, подожди, я найду деньги, я...

— Ты не найдешь! — крик в трубке был резким, как удар хлыстом. — Ты там живешь в золотой клетке, а мы задыхаемся! Приезжай! Или звони этому своему Волконскому!

Связь оборвалась. Занято.

Я замерла посреди коридора, где мраморный пол отражал моё искаженное лицо. Бессилие душило горло. Физически я не могла быть там через час, а перевод шел сутки. Но есть один человек, который мог решить это одним щелчком пальцев. Человек, которого я ненавидела каждой клеткой своего тела.

Лаборатория «Бета» на минус втором этаже научного крыла была темной, освещенной лишь голубым светом спектрометров. Он стоял спиной ко мне, склонившись над пробирками. Белый халат сидел на нём так, будто он был вторым слоем кожи, а не одеждой.

— Нам нужно поговорить, — мой голос прозвучал слишком тихо.

Артур не обернулся.

— Если ты пришла жаловаться на жизнь, дверь с той стороны. Я занят синтезом пептида, который может спасти миллионы жизней. Твои проблемы не входят в этот приоритет.

— Моя мать теряет дом из-за долгов моего отца. Из-за долгов, которые возникли, когда я начала работать на тебя, — я шагнула ближе, чувствуя запах стерильности и дорогой парфюмерии. — Мне нужна помощь. Аванс. Или просто перевод.

Он медленно выпрямился и повернулся. Его глаза, серые и пустые, скользнули по мне, словно оценивая брак на конвейере.

— Истерики — признак слабости интеллекта, Вика. Ты ведешь себя как загнанный зверь, а не как исследователь. Это мешает мне думать.

— А тебе не мешают крики голодных людей? — огрызнулась я.

— Люди всегда голодны. Вопрос в том, умеют ли они добывать еду или ждут подачки.

Тишина повисла между нами, густая и вязкая. Артур достал телефон, набрал пару цифр и бросил его на стол.

— Я переведу сумму долга сегодня вечером.

Я выдохнула, облегчение ударило в голову, как волна.

— Но, — он поднял указательный палец, останавливая мою радость на полпути. — Это не благотворительность. Это инвестиция. Завтра симпозиум для деканов факультета хирургии. Ты будешь там.

— Где именно?

— Рядом со мной. Твоя задача — держать папку с презентацией и молчать. Если кто-то спросит о твоих знаниях, ты должна ответить цитатой из моей последней статьи. Ты станешь моей тенью, Виктория. Понимаешь разницу между ассистентом и тенью? Ассистент помогает. Тень следует за объектом, куда бы он ни пошел, и исчезает, когда объект уходит в тень.

Это унижало больше, чем отказ. Он покупал мою свободу за гроши, превращая в безликий аксессуар.

— Я подпишу контракт о неразглашении, — сказала я сквозь зубы.

— Уже готово, — он протянул планшет.

Вечер перед симпозиумом стал адом. Мне нужна была одежда. Не та старая студенческая толстовка, которая теперь пахла страхом, а что-то нейтральное, деловое, скрывающее нищету. Я постучала в комнату соседки, Лены, надеясь одолжить строгий жакет.

Дверь открыла не Лена, а Дарья Лисицына. Королева курса в своем привычном образе: идеальная укладка, платье от кутюр и улыбка акулы. За её спиной виднелись другие девушки нашего потока.

— Ой, Вика, — Дарья прижала руку к груди, изображая удивление. — Что случилось? Ты ищешь работу? Или, может, просишь милостыню?

— Мне нужен жакет, — я старалась говорить ровно.

— Тебе нужно зеркало, чтобы увидеть своё место, — Дарья шагнула в коридор, преграждая путь. Проходящие мимо студенты замедлили шаг. Шепоток начал распространяться, как

вирус. — Знаешь, я слышала, твоя мать собирает вещи. Жалко. Хотя, учитывая твой уровень химии, наверное, лучше ей сразу на помойку.

— Уйди с дороги, Даша.

— Не хочу. Давай я подержу твою сумку? Она такая тяжелая... наверное, там камни вместо учебников? — она хихикнула, толкнув меня плечом.

Я не заплакала. После бала слезы выгорели, оставив после себя ледяную крошку в животе. Я посмотрела ей прямо в глаза, используя ту холодную ярость, которую Артур назвал слабостью, а я чувствовала как броню.

— Когда твоего отца выставят из ректората за махинации с грантами, вспомни этот момент, — прошептала я так, чтобы слышали только те, кто был рядом.

Лицо Дарьи на мгновение исказилось, прежде чем она снова натянула маску веселья. Но зерно сомнения было брошено.

Зал симпозиума пах кофе и дорогими костюмами. Деканы и профессора сидели в первом ряду, создавая стену авторитета. Я стояла сбоку от Артура, держа папку так, чтобы пальцы не дрожали. Артур выглядел безупречно: расстегнутый ворот рубашки, рукава закатаны до локтей, демонстрирующие предплечья хирурга.

Когда он закончил доклад о новых методах нейропластики, микрофон переключился на вопросы.

Профессор Громов, старый зануда с кафедры фармакологии, поднялся.

— Артур Дмитриевич, блестящая работа. Но скажите честно, почему вы взяли в команду Морозову? Её исследовательский проект был признан несостоятельным на недавней защите. Не боитесь, что ваша репутация пострадает от соседства с человеком, который путает формулу бензола с рецептом борща?

В зале повисла напряженная тишина. Все смотрели на меня, ожидая провала. Ожидая, что я покраснею, запнусь или начну оправдываться.

Артур не ответил сразу. Он повернул голову, и его взгляд встретился с моим. На секунду мне показалось, что он прочитал мои мысли: «спаси меня». Но затем он отвернулся к залу.

— Бензол имеет кольцевую структуру, профессор, — голос Артура был тихим, но каждый слог резал воздух, как скальпель. — Морозова продемонстрировала интуицию, которой лишены многие ваши выпускники с красными дипломами. Она увидела побочный эффект взаимодействия ферментов, который вы пропустили в статье 2019 года. Вы хотите обсудить это технически, или вам проще продолжать обсуждать чье-то происхождение?

Громов открыл рот, закрыл его и сел. Никто никогда не отвечал ему так холодно. Артур защитил меня, но сделал это так, будто защищал свой инструмент от поломки. Я не была личностью. Я была частью его имиджа гения, который видит то, что скрыто от других.

После мероприятия, в его кабинете, Артур положил конверт на стол. Внутри лежали наличные и подтверждение банковского перевода.

— Долг закрыт, — сказал он, не садясь. — Но проценты будут начисляться. Каждый день, что ты будешь играть эту "тень", ты платишь своей независимостью. Вернешь сумму с процентами — и сможешь уйти.

— Зачем вам это? — спросила я, глядя на деньги. — Вы могли просто дать их, не требуя позора.

Глава 4

— Я купил не твою лояльность, Вика. Я купил право смотреть на тебя, когда ты страдаешь. Эмоциональные реакции — лучший катализатор для творчества. А ты, моя дорогая, сейчас очень вдохновлена.

Я схватила конверт. Внутри что-то шелкнуло, рождая план. Он думал, что я сломана? Нет. Я начинала изучать структуру этих долгов. Откуда взялись такие суммы? Почему охранник упомянул "социальную неблагополучность" так уверенно?

Ночь в общежитии матери была холодной. Охранник, который менял замки, встретил меня странно. Он не ругался, не требовал денег. Он просто протянул мне визитку.

— Тут вчера был один господин. Дорогое пальто, шёлковый шарф. Интересовался вами. Сказал, что долг семьи можно списать, если вы согласитесь на "особые условия".

Я взяла визитку. На плотной матовой бумаге тисненым золотом значилось: «Волконск-Фарма». Головной офис.

Руки похолодели сильнее, чем от мороза. Артур знал. Он знал об этом визите заранее. Эти долги, эта угроза выселения — всё это было частью игры. Он не спасал меня. Он загонял в угол, чтобы я бежала к нему, как испуганная птица.

Я посмотрела на логотип компании, которая тестировала препараты на людях, и вспомнила лицо Артура, когда он молчал во время унижения на балу. Теперь я понимала: он не просто высокомерный ублюдок. Он — архитектор моего ада.

И самое страшное заключалось в том, что он дал мне инструменты, чтобы понять это. Ключ от клетки висел у меня на шее, но замок был с другой стороны.

Я смяла визитку в кулаке, чувствуя, как острые края впиваются в кожу. Боль была приятной. Она означала, что я жива. И что война только началась.

Мои пальцы сводило судорогой, когда я влетела в кабинет Артура Волконского. Дверь ударила о стену с таким грохотом, что даже пыль в лучах закатного солнца вздрогнула. Я не была готова к этому визиту. Я была готова к войне, но он сидел там, как ни в чем не бывало, перебирая стеклянные ампулы с хирургической точностью маньяка.

— Закрой дверь, — не поднимая глаз, бросил он. Голос был ровным, холодным, как скальпель перед разрезом. — И перестань дрожать. Твоя истерика здесь негигиенична. Она загрязняет воздух, а мне нужно чистое пространство для работы.

Я замерла, чувствуя, как внутри меня что-то лопается. Обида? Страх? Нет. Холодная, расчетливая ярость. Он ждал слез. Ждал мольбы. Он хотел увидеть сломанную девочку из глубинки, готовую продать душу за крышу над головой. Но я уже прошла этот путь. На балу, где шампанское жгло кожу, а унижение стало частью моего гардероба.

Я молча закрыла дверь. Щелчок замка прозвучал выстрелом. Потом достала из сумки папку. Не исследовательскую работу, которую он растоптал, а распечатанные логи его предыдущего эксперимента. Ошибки в расчетах дозировок. Провалы в этике. Мелочи, которые он считал несущественными, пока они не стали моим оружием.

— Вы читали это? — спросила я, кладя папку на его стол. Бумага шуршала, как сухие листья.

Артур наконец поднял глаза. Серые, бездонные, пугающе умные. Он даже не коснулся документов.

— Морозова, ты пришла просить помощи, а ведешь себя как прокурор на процессе. Тебе нужна не только крыша над головой, правда? Тебе нужны деньги на лечение матери. А их у тебя нет. Ни копейки. Долги отца уже начали звонить в колокола.

От его слов по спине пробежал мороз. Он знал. Он знал всё. За этой наблюдательностью гения стояла слежка — полная, тотальная, унижительная.

— Что вы предлагаете? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Сделка. Месяц личного ассистентства. Полный доступ к моим исследованиям. Взамен: погашение оставшихся долгов твоего отца и перевод вашей семьи в элитное крыло общежития. С отдельной ванной и видом на парк.

Это было слишком легко. Слишком сладко. Ловушка всегда маскируется под подарок.

— Условия? — спросила я.

Артур улыбнулся. Той самой улыбкой, от которой у меня перехватывало дыхание не от восхищения, а от инстинкта самосохранения. Хищник показывал зубы, но не собирался кусать сразу.

— Ты будешь жить в моем доме. Носить одежду, которую я выберу. Молчать обо всем, что увидишь. Никаких вопросов. Никаких друзей. Только работа и служение.

Внутри меня вскипело. Прислуга? В академии, где я учусь лучше всех? Где мой мозг стоит больше, чем его фамилия?

— Нет, — отрезала я. — Я не буду «прислужой». Я стану экспертом по безопасности данных. Если я увижу незаконную деятельность, я имею право уйти без штрафов. Без последствий для моей семьи.

Артур рассмеялся. Коротко, сухо, как щелчок затвора.

— «Увидеть» означает «Молчать», Морозова. Но пункт принят. Запишем.

Он потянулся к ящику стола, доставая тонкую стопку бумаги. Чернила на документах еще пахли свежестью, хотя печать стояла вчерашнего числа. Я прищурилась, пытаюсь прочитать мелкий шрифт, но Артур развернул лист так, чтобы текст оказался вверх ногами.

— Подписывай. Сейчас.

— Почему сейчас? — спросила я, чувствуя, как сердце начинает колотиться чаще.

— Потому что завтра утром, ровно в восемь, служба безопасности академии исполнит предписание о выселении твоей матери из текущего общежития. Из-за задолженности, которую мы... э-э-э... не будем обсуждать. Но которая есть.

Кровь отхлынула от лица. Он не предлагал сделку. Он ставил ультиматум. Время работало против меня, и он это знал. Каждый час промедления стоил здоровья моей мамы.

Я взяла ручку. Пальцы скользили по пластику. На полях договора, рядом с графой «Согласие сторон», я оставила свою подпись так, чтобы она выглядела как часть печати, а не отдельного волеизъявления. Пусть попробует прочитать её, пусть хоть на секунду задержится над листом. «Я здесь не по своей воле. Я здесь потому, что вы убийца.»

— Готово, — произнесла я, возвращая документ.

Артур забрал бумагу, быстро просмотрев ее. Его брови чуть приподнялись, заметив мою хитрость, но он ничего не сказал. Вместо этого он встал и подошел ближе. Слишком близко. Запах его парфюма — резкий, дорогой, с нотами табака и озона — ударил в нос, смешиваясь со страхом и странным, запретным возбуждением от близости хищника.

— Теперь убери стол. Начинаем немедленно.

Я отступила назад, упираясь спиной в дверной блок.

— Это личные вещи. Я не прислуга.

Артур заблокировал выход. Его рука легла на стену над моей головой, создавая клетку из мышц и власти. Он смотрел вниз, на мои глаза, и я видела в них не злобу, а холодный интерес ученого, наблюдающего за реакцией подопытного кролика.

— По контракту, твое тело и время принадлежат мне. Уборка входит в должностные обязанности. Или ты хочешь нарушить договор в первый же день?

Я отвернулась, начиная складывать его тетради в аккуратную стопку. Руки дрожали, но движения были точными. Профессиональными.

— Я хочу найти лазейку, — пробормотала я, водя пальцем по мелкому шрифту последней страницы. — Там написано, что расторжение возможно только через суд...

— Любой суд признает этот контракт действительным, — прервал он мягко, забирая документ у меня из рук. — Потому что ты добровольно пошла на него ради спасения матери. Ты взрослая девушка, Вика. Ты знаешь цену свободы.

Он прав. Он продумал всё до мелочей. Нет выхода. Кроме одного. Если он хочет мой мозг, я дам ему его. Но наполню ложными данными. Буду играть роль идеальной помощницы, пока не найду ключ к сейфу, где хранится правда о его семье.

Артур вернулся к своему столу и протянул мне толстую, пыльную папку. Кожаный переплет трескался, словно старая кожа.

— Первая задача. Расшифруй этот архив. Эксперименты моего отца. Официально они были уничтожены после... некоторых событий. Мне нужен порядок.

Я открыла папку. Внутри лежали рукописные записи. Почерк был знакомый. Колочий, неровный, с характерным наклоном влево. Тот самый почерк, который я видела на старых рецептах матери. Те же названия препаратов. Те же побочные эффекты.

Замедление сердца. Тишина стала оглушающей.

— Это те же лекарства, что вызвали болезнь моей мамы, — прошептала я, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

Артур не отвел взгляда. В его глазах мелькнуло что-то новое. Не вина. Не раскаяние. Расчет.

— Знаешь, почему я держу тебя рядом, Морозова? — спросил он тихо. — Не потому, что ты умная. И не потому, что ты красивая в своем унижении. А потому, что ты единственная, кто знает правду о том, что сделали Волконские. Я не использовал тебя для жилья. Я поймал заложницу тайны.

Я снова посмотрела на знакомый почерк в папке. Мамины рецепты, его контракт, моя подпись — всё сходилось на этом столе. Когда он успел подготовиться? За месяц? Ещё до моего поступления? Он знал о связи моей матери с его семьей с самого начала. Стоит мне заговорить об этих лекарствах, и он первым напомним про договор и долги. А мама снова останется без помощи.

Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Боль помогла вернуть ясность ума. Ненависть — вот топливо, которое осталось. И оно горело синим пламенем.

Артур протянул мне тяжелый металлический ключ.

— Твой первый день начинается сегодня. Квартира находится в пяти минутах ходьбы. И не смей опаздывать, Морозова. Я ненавижу ждать.

Я взяла ключ. Металл был холодным и острым, впиваясь в кожу, оставляя красную полосу на подушечках пальцев. Я посмотрела на Артура, потом на ключ, потом снова на него.

Я только что продала душу дьяволу. Но дьявол оказался красивым, смертельно опасным и, кажется, тоже одержимым.

— Я не опоздаю, — сказала я, и в моих словах было обещание войны, которую он еще не начал выигрывать.

Глава 5

Коридор пах дезинфекцией и чужим богатством. Полированный гранит под моими стоптанными кедами скрипел так, будто я вторглась в храм, а не просто шла по академии «Асклепий». В кармане лежал контракт Артура Волконского — сложенный вдвое листок бумаги, который стоил мне свободы на месяц. Или больше. Я не знала, что меня ждёт за дверью лаборатории №4, но знала одно: отступать некуда. Вчера мать шептала сквозь слёзы про очередное предписание о выселении. Подписанный договор ещё не означал, что Артур исполнил обещание. Если я не выполню первую часть сделки, её вышвырнут на улицу вместе с вещами.

Я остановилась перед тяжелой стальной дверью с красным индикатором замка. Нажала кнопку вызова. Тишина. Ещё раз. Никакой реакции.

— Морозова? — голос Артура прорезался из динамика, холодный и скучающий. — Ты опаздываешь на две минуты.

— Система безопасности не пускает меня, — ответила я, чувствуя, как горят щеки. — У меня нет доступа. Я числюсь студенткой, а не персоналом.

В динамике повисла пауза. Потом раздался короткий смешок.

— Значит, ты бесполезна. Жди снаружи. Может, дождь смоет твою глупость.

Связь оборвалась. Я осталась одна в пустом коридоре. Страх сжимал горло, но злость оказалась сильнее. Он проверял меня. Не на знания, а на хитрость. На готовность нарушать правила ради результата. Я огляделась. Рядом с дверью была панель управления, но она была защищена антивандальным стеклом. Зато выше, у потолка, торчал пучок проводов для вентиляции. Старая, советская разводка, которую никто не удосужился спрятать под короб.

Мои пальцы дрожали, но не от холода. Я сняла куртку, достала из сумки маленькую отвёртку, которую стащила из мастерской Левы, и сунула её в карман свитера. Подпрыгнула, уцепилась за выступ над дверным косяком и подтянулась. Ткань свитера задралась, обнажая поясицу. Воздух коснулся кожи, но отпустить перекладину, чтобы одёрнуть одежду, я не могла. Голова кружилась от напряжения, но я видела, как синий и красный провода питания замка переплетаются с землёй. Это было грубо, опасно и незаконно. Но это работало.

Уперев кеды в боковые выступы дверной рамы, я освободила одну руку и достала отвёртку из кармана. Отвернула винты на крышке распределительной коробки, которая висела прямо над входом. Внутри был простой релейный блок. Если я замкну контакты ручного открывания на время...

Артур мог наблюдать через камеру. Мне было плевать. Я действовала. Короткое замыкание просвистело в ушах. Замок щёлкнул. Тяжёлая дверь со скрипом открылась внутрь.

Я спрыгнула на пол, тяжело дыша. Голубые искры всё ещё плясали перед глазами.

— Впечатляет, — произнёс Артур, стоя в глубине помещения. Он даже не повернул голову, изучая экран планшета. — Хотя метод варварский. Ты могла убить себя.

— Но я жива, — парировала я, выпрямляясь. — И внутри.

— Для начала этого достаточно.

Лаборатория №4 напоминала морг. Высокие потолки, ряды стеклянных шкафов, заполненных колбами с разноцветными реагентами, и ледяной сквозняк, бьющий в лицо. Термометр на стене показывал +12°C.

— Почему так холодно? — спросила я, стискивая зубы.

— Реактивы нестабильны при температуре выше пятнадцати градусов, — ответил он, не отрывая взгляда от пробирки. — А ты будешь работать руками. Так что привыкай. Или уходи.

Он отвернулся к столу, давая понять, что разговор окончен. Я шагнула внутрь, и холод мгновенно проник под одежду. Пальцы онемели за секунды. Кожа покрылась мурашками. Я

посмотрела на свои руки — они были белыми, почти синими. Как же я смогу держать пипетку? Как смогу точно отмерять миллилитры жидкости, когда тело трясётся от озноба?

«Это проверка,» — поняла я. «Он хочет видеть, сломаюсь ли я.»

Подняв оставленную у двери куртку, я повесила её на спинку стула. В тонком сером свитере стало ещё холоднее, мурашки пошли волнами. Прижала локти к бокам, чтобы унять дрожь. Движения стали механическими, точными. Я подошла к центральному столу, где лежала схема синтеза того самого реагента, который должен был стать основой для эксперимента Артура.

«Не допустив ошибок», — звучало в голове.

Я начала работу. Руки болели, суставы хрустели. Каждый шаг требовал концентрации. Я измеряла плотность растворов, смешивала кислоты, следила за цветом осадка. Время растянулось. Минуты превращались в часы. Я не чувствовала ног, только кончики пальцев, которые всё ещё слушались меня.

Артур молчал. Он сидел в углу, наблюдая за мной боковым зрением. Его молчание было громче любого крика.

На четвёртом часу работы я добавила катализатор. Реакция должна была пойти ровно. Но отводная трубка колбы, которую я держала, дала трещину. Тонкую, почти незаметную. Из неё сочился едкий пар, запах которого ударил в нос, обжигая слизистую. Инстинкт кричал: беги! Отпусти! Спасай лёгкие!

Но если я отпущу, реакция сорвётся. Весь эксперимент будет потерян. Месяц рабства станет бессмысленным. Мать потеряет дом.

Я увидела рядом ловушку с нейтрализующим раствором. Прижала отводную трубку к её входу, перехватив едкий пар. Соединение зашипело. Горячая брызга попала мне на предплечье. Боль была острой, белой вспышкой.

Я не вскрикнула. Только сжала челюсти так, что заболели скулы. Поставив колбу в держатель, я сунула предплечье под воду. Смывала брызги, пока в колбе завершалась реакция.

Реакция стабилизировалась. Цвет раствора изменился на нужный — глубокий фиолетовый.

Я проверила колбу в держателе. Руки тряслись уже не от холода, а от шока.

Артур поднялся. Медленно, бесшумно подошёл ко мне. Он взял мою руку, перевернул предплечье. Кожа была красной, пузыри начинали подниматься.

— Дура, — сказал он тихо. В его голосе не было презрения. Только странная, глухая ярость. — Ты могла потерять глаз. Или кожу.

— Я спасла результат, — прошептала я, глядя ему в глаза. Они были тёмными, бездонными.

Он молча развернул аптечку, которая лежала на соседнем столе. Достал стерильный бинт и мазь. Его пальцы касались моей кожи грубо, но движения были точными. Холодные подушечки пальцев скользили по горячей ране. Запах его дорогого одеколона, сандала и табака, смешался с запахом озона и страха. Я чувствовала биение его пульса на своих запястьях, когда он закреплял повязку.

— Скорость реакции выше нормы, — произнёс он, не глядя на меня, занимаясь перевязкой. — Интуитивно верное решение. Технически грамотное.

Это был комплимент? Нет. Это была оценка инструмента.

— Вы всегда так проверяете людей на прочность? — спросила я, используя момент слабости между нами.

Артур закончил завязывать узел. Поднял голову. Его взгляд стал тяжёлым.

— Иногда.

Он отошёл к дальней части комнаты, где находилась зона отдыха. Маленький диванчик, книжные полки и кофемашина. Единственный источник тепла в этом аду.

— Кофе? — спросил он, не спрашивая разрешения, включая аппарат.

— Да, — согласилась я, потому что отказывать было бы глупостью.

Он налил две чашки. Одну протянул мне. Мы сели напротив друг друга. Он скрестил ноги, держа чашку двумя руками, как будто грелся сам.

— Эта лаборатория построена моим отцом, — начал он, глядя в окно, за которым чернела ночь. — Десять лет назад. Тогда здесь проводились исследования по регенерации тканей. Идеальные условия. Идеальная изоляция. Никто не знал, что происходит за этими стенами. Только семья. Только Волконские.

Я слушала, чувствуя, как тепло кофе проникает в желудок, согревая изнутри. Но слова Артура были холодными. Он рассказывал историю власти. Историю, в которой я была лишь статистом.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — спросила я.

— Чтобы ты понимала масштаб игры, — ответил он, поворачиваясь ко мне. — Ты вошла в логово зверя, Вика. Здесь не учат милосердию. Здесь учат контролю. Мой отец строил эту академию не для того, чтобы лечить. Он строил её, чтобы иметь власть над жизнью и смертью тех, кто зависит от его препаратов.

Глава 6

Его монолог был манипуляцией. Он хотел напугать меня. Показать, насколько я уязвима. Но я вспомнила другую вещь. Ту, которая не давала мне спать ночами. Ту, которая привела меня сюда.

— А препарат «Нейро-Лекс»? — резко перебила я.

Артур замер. Чашка в его руке дрогнула. Капли кофе упали на светлую рубашку, оставив темные пятна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.